Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ДОМ, В КОТОРОМ ЖДАЛА ЭЛЕОНОРА

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Алекс Вестфорд

Дом, в котором ждала Элеонора

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Дом, в котором ждала Элеонора / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Ноябрь 1933 года. Элеонора Вейл приезжает в дом у двух буков, чтобы восстановить один вечер девятилетней давности. В тот же день в старой сушильне гибнет постоялица. Огонь отрезал внутренний проход, а наружная дверь оказалась задвинута со двора. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид выясняют, кто стоял у двери, когда женщина просила открыть. Тем временем Элеонора, Рут Лейн и её дочь сами решают, какое место прошлое займёт в их жизни. Десятый самостоятельный роман и финал первого сезона серии «Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора».

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дом, в котором ждала Элеонора 5
Глава 1. Книга заказов 6
Глава 2. До сумерек 10
Глава 3. Со двора 14
Глава 4. Что слышала Ливия 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Алекс Вестфорд
Дом, в котором ждала Элеонора

Дом, в котором ждала Элеонора

Алекс Вестфорд

Глава 1. Книга заказов

Двадцать первого сентября инспектор Стивен Хейл дважды прошёл мимо дома Ады Ренн. Номер был нарисован изнутри на стекле, а днём его заслонял выставленный на продажу стул. Хейл наконец увидел под стулом бумажку с ценой и постучал, решив, что если здесь не живёт мисс Ренн, то хотя бы подскажут, где она живёт.

— У вас в конторе сказали, что вы придёте к обеду, — сказала открывшая дверь женщина. — Я уже поела. Если вам нужен стул, поставьте монету на блюдце и заберите. Если вы из полиции, оставьте его на месте.

Хейл представился и показал удостоверение. Мисс Ренн пропустила его в комнату, где на ковре стояли три ряда одинаковых коробок. На каждой было записано, какой кусок тесёмки нужно потянуть, чтобы открыть. Ада принесла из кухни стул для гостя. У того была низкая спинка, и Хейл понял, что не собирается покупать стул, выставленный в окне, хотя до сих пор считал, что высокий стул ему не нужен.

От Лоури он пришёл с выпиской из книги заказов. Старый переплётчик принял его утром у дочери, велел снять скатерть, сам подложил под книгу газету. Сначала Лоури пришлось объяснить, что семнадцатый дом был конторой, а двадцать седьмой складом. Инспектор имел привычку уточнять адрес даже тогда, когда оба адреса уже были у него записаны. На третий вопрос Лоури показал счёт с обоими номерами: контора для писем, склад для тяжёлых посылок. После этого разговаривать стало легче.

Номер сорок шесть в книге относился к двум переплетённым журналам фонда Эшкрофта. Один журнал о выдаче белья, другой об угле. Стоимость и число листов были вписаны одной рукой, имя посыльного другой. Лоури помнил, что долго ждал эти книги. Они всё время были кому-то нужны в поместье. Привезли в конце октября двадцать четвёртого, вернули в начале ноября. Мастер по привычке отметил в книге не день возвращения, а день, когда человек пришёл за готовым. День отправки по адресу следовало смотреть у Ады. Она выписывала накладные и могла различить почерк мальчиков, которые ставили дату при сдаче посылки.

Мисс Ренн прочла выписку. Открыла третью коробку, вынула пачку и не сразу протянула Хейлу. Подержала на коленях, посмотрела, с какой стороны сохранился старый сгиб. Потом спросила, написал ли мистер Лоури, что заказ оплатили.

— Он написал сумму. Когда получил деньги, не помнит.

— Он никогда не помнил, когда получал деньги, если мы их уже получили.

Ада нашла пачку оплаченных заказов. Один корешок лежал в другой стопке: его когда-то забрали, чтобы переписать адрес, и вернули поверх писем. На нём стояло «46», рядом та же сумма, одиннадцать шиллингов и шесть пенсов, два журнала, дата выдачи готового и отметка об оплате. Два других платежа от Эшкрофта за ноябрь не имели отношения к этим книгам. Один был за починку коробов, другой за пачку чистой бумаги. Хейл попросил оставить рядом обе записи, чтобы при копировании не пропустить то, что не сходится с его выпиской.

— Разве не сходится? — спросила Ада.

Инспектор показал только строку, ради которой его послали. Это была копия из другой книги, книги фонда, за конец ноября. Номер тот же. Сумма гораздо выше. Рядом стояли инициалы Элеоноры Вейл и обозначение выдачи тёплых вещей. Не было ни слова о книгах. Хейл заметил, как Ада чуть отодвинула бумагу, словно теперь ей следовало разглядеть её с другой стороны.

— Наш номер писали на обёртке, — сказала она. — Он мог остаться у них на столе. Это не наша выдача.

— Не могли провести под номером другую работу?

— Иногда проводили добавление к старому заказу. Тогда приписывали к корешку. У нас за новое надо было брать деньги. Мы бы так и написали.

Она согласилась дать корешок осмотреть и снять копию. Хейл описал коробку, порядок хранения и кто извлёк лист. Ада следила, чтобы он не написал «в бумагах фирмы обнаружено». Фирмы больше не было, бумаги находились у неё, а порядок был не фирменный. Хейл исправил. Когда он встал, у двери стояла другая женщина, с монетой в руке. За стулом, сказала она. Ада взяла монету, сняла стул с подоконника и вынесла сама. Номер дома стал виден до самой середины улицы.

* * *

В понедельник шестого ноября Полли Брук примеряла на руку нарукавник из новой ткани. Ткань тянула по шву. Она распорола три стежка, сделала четыре свободнее и попробовала ещё раз. Агнес Брук сказала, что если Полли так мучает один нарукавник, то костюм она будет шить до Пасхи. Полли ответила, что это ткань на пробу. Она собиралась пойти к портнихе в Хейзелби и показать не весь костюм, а что может исправить на чужом платье. Тётка при слове «чужом» перестала улыбаться. В стирку им и так приносили чужое, и всё чаще просили заодно поднять подол.

Дом у двух буков давно уже не был домом одной семьи. К передней приходили за уроком, к боковой двери — за бельём. Из-за двух входов письма бросали то в один ящик, то в другой, пока Полли не прибила жестянку к главной двери и не сняла второй ящик. Агнес была против: она могла забрать почту из кухни, не надевая башмаков. Теперь иногда находила письма утром на коврике и думала, что почтальон мог бы просунуть их поглубже.

Эдмунд Крессуэлл вошёл с ящиком и спросил, успела ли хозяйка попробовать новую скобу. Полли повела его во двор. Засов был на старой двери сушильни, снаружи. Внутри имелась ручка, но если засов вдвинут, никакая ручка его не поднимет. Прежде там носили по двору корзины, и дверь оставляли открытой почти до сумерек. Теперь из сушильни можно было пройти в прачечную по короткому внутреннему проходу, а из неё в коридор. Агнес просила, чтобы наружную дверь задвигали лишь тогда, когда все вышли. Эдмунд посоветовал каждый раз делать это самому тому, кто выходит последним, а не говорить через весь двор.

Он показал, где стёрся старый лак. Скоба чуть выступала, на железе оставалась светлая полоска. Она была видна даже с лестницы у соседского окна, хотя оттуда плохо различалось, попал ли сам засов под скобу. Эдмунд потер железо ветошью, ещё раз отодвинул и оставил открытым. Рукав рабочей куртки он накрыл светлой кожей: на другой работе приходилось прижимать к локтю необструганные доски. Полли спросила, можно ли ей взять обрезки кожи для напёрстка. Он пообещал посмотреть в мастерской. Потом спросил, кто сегодня учится у Ливии и долго ли она останется. Полли ответила, что до пяти. Эдмунд сказал, что придёт за ней, если только не застанет её дома.

От окна сушильни Полли протёрла тряпкой нижнюю стену. Само окно было высоко и узко, одна неподвижная рама. Днём давало достаточно света, чтобы определить, не осталась ли грязь на покрывале, но высокому человеку пришлось бы встать на корзину, чтобы выглянуть. Полли и раньше хотела попросить тётку расширить окно. В комнате сушили меньше, чем прежде, зато можно было бы ставить станок для шитья и не гасить свет каждый раз, уходя за катушкой.

— Там холодно, — сказала Агнес, когда Полли вернулась. — Я тебе сказала про комнату наверху.

— В комнате наверху платят за урок.

— Три дня в неделю. В другие четыре можно шить.

Полли знала, что в эти четыре дня наверху спят постояльцы. Не сказала. Ей оставалось получить согласие портнихи, а до этого ни одна комната не могла быть её. Она пошла отнести ключ от передней на обычный крючок, чтобы вечером его нашли. То был ключ от передней,

с круглой жестяной меткой, затёртой посередине. У сушильни ключа не было. Когда Полли впервые стала работать у тётки, несколько раз путалась, какой крючок имеется в виду. Теперь вешала на один и тот же, а Агнес по-прежнему говорила ей не потерять.

* * *

Мэри Парр приехала после двух. Поставила чемодан в прихожей и, пока писала имя в книге, дважды прижала угол страницы ладонью: книга не хотела лежать раскрытой. Агнес предложила комнату с видом во двор. Мэри спросила, где дают уроки музыки. Ей ответили, что сверху, в большой комнате с двумя окнами. Если после трёх поднимется шум, можно поменяться на комнату над прачечной. Мэри предпочла остаться рядом с музыкой.

— Я думаю, приду к миссис Крессуэлл завтра, если она будет, — сказала она.

— Могу передать, что вы хотите урок.

— Урока я не хочу. Можно просто сказать, что остановилась мисс Парр и попросила поговорить.

Агнес взяла со стойки карточку и записала, потому что фамилии, услышанные при входе, путались с именами, которые ей диктовали к оплате. Мэри заглянула через её плечо и показала, что в конце две буквы. Потом отвела взгляд, попросила расписание обратных поездов и вдруг решила пока не смотреть. Она приехала с письмом, которое могла бы послать по почте. Не послала, потому что не знала, кто в соседнем доме получает почту первым. На обороте конверта стояло имя поверенного, принявшего её бумаги. Конверт она положила в небольшую ручную сумку. Чемодан позволила отнести наверх.

В музыкальной комнате Ливия поправляла высоту табурета под девочкой, у которой левая нога уже неделю не доставала до педали. Девочка уверяла, что раньше доставала. Ливия положила под ногу книгу и заметила, что раньше девочка садилась ближе. Пока обе искали середину, кто-то у двери кашлянул. Мэри стояла на площадке. Она ждала, что Ливия повернётся, и боялась, что та узнает в её лице кого-нибудь. Ливия обернулась, улыбнулась и приложила палец к губам: ученица наконец нашла, куда опустить ногу. Мэри отступила и спустилась без слова.

Ливия спустилась следом, когда девочка уже застегнулась и снаружи постучал её брат. Принесла Агнес плату за ноябрь и попросила написать, что деньги получены за комнату три раза в неделю. Агнес сказала, что всегда расписывается одинаково: «За комнату». Ливия показала ей прежнюю квитанцию. Её в октябре взял Эдмунд и принёс домой с какой-то чужой бумагой. Суммы рядом оказались похожие, Эдмунд решил, что Ливия должна доплатить за стулья. Она два вечера искала, кто их заказал. Стульев в комнату никто не приносил, бумага была совсем про другое, а квитанцию Агнес пришлось показывать ещё раз.

— Запишите, что стулья входят, — предложила Агнес.

Ливия засмеялась. Сказала, что если однажды придёт ребёнок и по квитанции потребует стул, она попросит его играть стоя. Агнес в ответ перевернула лист, написала на новой стороне и промокнула. При этом они не слышали, как открылась дверь у лестницы. Мэри спустилась за стаканом воды и теперь стояла возле стойки. Она видела, как Ливия прочла бумагу и не сразу убрала. На квитанции Ливия настояла так спокойно, что Агнес уже разговаривала с нею о другом. Мэри умела получать то, что ей нужно, либо дождавшись, когда другая сторона уйдёт, либо поссорившись. Ей захотелось спросить Ливию, где та так научилась. Она спросила вместо этого, как зовут девочку, игравшую наверху.

— Кэтлин. У неё во вторник ещё один урок. Если хотели посмотреть, в конце можно зайти. Только сперва дайте ей доиграть.

— Я потому и ушла.

Ливия сказала, что подумала, будто гостья ищет комнату. Показала кувшин, предложила самой налить. Пока Мэри пила, Ливия перенесла к двери два нотных свёртка и вернулась за третьим. В том лежали тетради Кэтлин, о которых она забыла. Следом Ливия уже собиралась

домой. Обычно Эдмунд заходил за нею по пути. Сегодня у него оставалась работа, и она решила пройти короткой дорогой мимо школы. До калитки Агнес пошла с нею: нужно было проверить, заперт ли нижний ящик для писем, хотя ящика там больше не было. Вспомнила об этом уже у крыльца и притворилась, что хотела поглядеть, не начался ли дождь.

Мэри осталась со стаканом. Хотела позвать Ливию обратно, даже вышла на ступеньку. Из дома было видно, как та повернула за бук и на ходу переложила свёрток в другую руку. Мэри уже могла бы сказать ей вслед одну фразу. Вместо этого отнесла стакан на стойку и пошла за своим конвертом. По дороге придумала, что первой покажет выписку, а потом объяснит, откуда приехала. На площадке решила наоборот. Сесть и выбрать порядок оказалось трудно, потому что из комнаты было слышно, как Агнес внизу тушит свет, и на лестнице от этого становилось темнее с каждой минутой.

К вечеру Агнес отнесла наверх горячую воду. На ручке двери висело пальто Мэри с мокрым краем. Агнес передвинула его на вешалку, чтобы в комнате лучше закрывалось. Мэри сидела у окна с расписанием на коленях. Она уже нашла нужный поезд, обвела время ногтем и всё-таки спросила хозяйку, остаётся ли в доме кто-нибудь после сумерек. Агнес ответила, что остаются все, кто здесь спит. Ливия завтра учит после четырёх, Эдмунд обычно забирает её. На имя Эдмунда Мэри никак не отозвалась. Положила расписание на подоконник и попросила завтра не уносить её вещи из комнаты, даже если она выйдет на весь день. Агнес ответила, что без просьбы постоялицы вещи трогать не будут. О пальто обе промолчали.

Глава 2. До сумерек

В октябре Рут получила письмо с тремя конвертами. На первом стояла фамилия Алисы Роуэн, на втором — её собственная. Третий был пустой, предназначался для ответа. Рут сперва положила его на окно, чтобы не перепутать, и только потом заметила, что окно открыто. Конверт вылетел в сад. Джоан спустилась за ним и вернулась с двумя мокрыми листьями, положила листья на стол рядом, чтобы высохли.

Старого сторожа нашли в Страуде. С товарного двора он ушёл раньше, чем Роуэн. Но они потом оба числились в одной кассе взаимной помощи и однажды встретились, когда Питер приезжал к сестре. У кассы сохранился адрес в Глостере. Местный констебль сходил туда, нашёл человека, который жил там теперь, и узнал, что упаковщик переехал на другую улицу в том же городе. Питер Роуэн согласился получить письмо через контору и ответил сначала Риду. Подтвердил старый адрес, отъезд и работу на товарном дворе. Он помнил Рут и знал, что она ждала ребёнка. Письма о рождении, по его словам, не получил. Сказал, что готов написать ей, если она сама хочет. Адреса ему не дали.

Рут прочла это дважды, потом повернула лист к окну. Свет через бумагу не мог показать, в каком месте человек решил, что про письмо лучше ответить так. Она сложила лист и стала наливать молоко в кастрюлю. Раньше, когда Джоан была маленькая, она представляла, что если Питер когда-нибудь явится, то непременно будет сразу объяснять, как сложилась его жизнь. Оказалось, он умел сначала спросить, хочет ли она его слушать. От этого стало легче лишь на минуту.

— Ты будешь писать? — спросила Джоан.

— Сначала отвечу сержанту.

— Там написано «переехал». Он и оттуда уедет?

— Может быть. Пока там живёт.

Джоан взяла со стола свой лист и развернула. Она придумала, что могла бы написать своё имя и название школы. Рут сказала, что название школы пока можно не писать, если девочка сама не хочет, чтобы человек пришёл туда без предупреждения. Джоан не подумала об этом. Она зачеркнула название так густо, что на обороте появилось мягкое место, и спросила, можно ли взять новый лист.

— Ты можешь сегодня и ничего не посылать.

— Я не собираюсь сегодня посылать. Я хочу попробовать, как получится.

Рут дала ей бумагу. Свой ответ написала позже, когда Джоан ушла за хлебом. Согласилась принять письмо Питера через Рида, не соглашалась на визит или выдачу адреса. У неё был один вопрос: почему в двадцать четвёртом он не сообщил, где сможет получать письма, когда с прежнего места уйдёт. Рид передал вопрос без добавлений. В конце октября пришёл ответ. Питер написал, что считал: если не дать адреса, никто не сможет потребовать от него немедленного решения. Он не оспаривал, что Джоан его дочь. Он не видел её и никогда не подписывал записи о рождении. Он не предлагал изменить ей фамилию. Пока хотел узнать, имеет ли право послать два письма отдельно, матери и девочке. Рут ответила, что первое примет, второе — если Джоан после разговора скажет, что хочет получить. Теперь лист с именем Джоан оставался у неё под чернильницей, уже без густого чёрного пятна. Девочка написала только имя и больше к листу не возвращалась.

* * *

Шестого ноября Элеонора Вейл предупредила Хейла, что поедет к дому у двух буков на следующий день. Просила не покупать ей билет и не сообщать хозяйке, что приедет с полицейским. Она уже написала самой Агнес и получила ответ. Агнес согласилась показать старую книгу, если Элеонора приедет после обеда. По её словам, книгу держали на верхней полке

и доставать раньше не имело смысла. Последняя строчка письма касалась комнаты: можно остаться до утра, но в комнате будет прохладно.

Хейл показал ей копию страницы из тетради Мэтью Сэндса. Старший сын возчика принёс тетрадь в сентябре, сам указал, где отец делил заказы по неделям, и оставил на два дня для описания. На воскресной странице за шестнадцатое ноября имелась поездка от поворота за Мерроу до дома у двух буков. Заплатила мисс Бэлл. Рядом стояли две чёрточки, которые сын считал количеством взрослых, но не мог это подтвердить. В конце месяца деньги внесены в общую сумму. У Хейла сохранились снимок листа и отдельная запись о происхождении.

Оливия Марш вспомнила мисс Бэлл в первом ответе. Это была Айрис Бэлл, учила младших, знала хозяйку дома и как-то оставляла там вещи на неделю. В октябре Айрис нашлась по адресу, который дала бывшая ученица. Приехала лично, назвала поворот, на котором встретила двух женщин, и сказала, что попросила Сэндса довезти их, а сама потом пошла обратно. Она знала Рут прежде, Элеонору узнала по имени из разговора. Ребёнок был в одеяле. На вопрос Хейла, почему она не поехала, ответила, что дома у неё ждали две девочки, которым она обещала помочь вымыть голову. Она не делала из этого оправдания и сердито переспросила, не требуется ли теперь назвать девочек, чтобы поверили.

— Вам теперь не придётся описывать весь путь по памяти, — сказал Хейл.

Элеонора ответила, что всё равно хочет описать свою часть. Она помнила, как сидела на скамье в доме у буков и ждала Рут, пока та переодевала девочку. Попросила у хозяйки чашку воды. Женщина принесла большую, она выпила и потом не решилась попросить вторую, потому что не знала, где будет следующая уборная. Позднее они пошли оттуда к Саттонам. Ей важно было, чтобы при новом осмотре кто-нибудь показал, где тогда начиналась тропа. Тогда она сможет отделить то, что действительно помнит, от того, что сама за девять лет достроила.

Хейл передал ещё одну бумагу от Уитмора. Банковский ответ по строке сорок шесть подтвердил, что одиннадцать шиллингов шесть пенсов получил переплётчик. Другой чек за конец ноября на выдачу вещей с тем же номером прошёл по счёту секретаря Беатрис Лэнг. Нужно было сверить запись на обороте и подписи по оригиналу, который ещё не доставили. Вейл прочла, сказала, что при том втором платеже не присутствовала и разрешения на него не давала. Она готова записать это перед инспектором, но сама не может сказать, кто вписал цифру в книгу. Один раз она и сама переписала сумму дважды, на другом листе. Хейл ответил, что у него лежат её пояснение и обе строки. Теперь в деле будет ещё и корешок переплётчика.

* * *

Во вторник до обеда Ливия собирала деньги для продавца нот. Деньги хранились по ученикам в отдельных бумажках, у Кэтлин не хватало пенни. Мать Кэтлин обычно платила сразу за месяц. Девочка хотела, чтобы новую пьесу заказали на её деньги, и сама записала сумму. Ливия думала оставить заказ до пятницы, потом взяла пенни из своей мелочи и положила рядом. Не столько ради Кэтлин, сколько потому, что ей уже хотелось услышать, как та справится с последними четырьмя тактами.

Эдмунд вошёл с улицы, принёс два счёта и разложил возле нот. Первый был его, за два длинных гвоздя и скобу. На втором стояло имя Пембертона. Ливия подалась к нему, Эдмунд сразу положил сверху первый. Сказал, что второй уже отнёс назад, это ему дали другую копию. Сумма не относится ни к комнате Агнес, ни к их дому. Ливия спросила, почему тогда Пембертон принёс счёт сюда в воскресенье. Эдмунд ответил, что на прежней карточке оставался этот адрес. Взял обе бумаги и пошёл к окну. Ливия не стала отбирать. Попросила только не выкидывать её запись в книге: если придёт посыльный, ей нужно знать, кто уже брал счёт.

Эдмунд сказал, что заберёт её вечером. Ливия отказалась: после урока хочет поговорить с постоялицей Агнес. Эдмунд спросил, что той нужно. Ливия ответила, что не знает, потом заметила, как он загнул угол у верхнего счёта. Так он всегда делал, если хотел отложить бумагу и потом сразу найти. На этот раз угол загнул, но лист убрал сразу.

— Она не хотела урока, — сказала Ливия. — По крайней мере, так передала Агнес.

— Может, за кого-нибудь спрашивает.

— Она назвалась.

Ливия сказала: мисс Парр. Эдмунд вынул из кармана плотницкий карандаш, приложил к листу, хотя числа переписывать уже не собирался. Попросил её к четырём быть у Агнес. Ливия ответила, что и так будет. Вынула из кучки пенни для Кэтлин и положила обратно в отдельную бумажку. Если посыльный принесёт ноты в среду, она сама сможет их забрать. Эдмунд спросил, зачем все эти расходы, когда ученица ещё не научилась играть то, что есть. Ливия ответила, что пьесу оплатит сама девочка. Он не стал спрашивать, на чьи деньги оплачивают урок. Перед уходом проверил, где его складная мерка. Мерка лежала под газетой. Счёт туда не положил, унес с собой.

Ливия не знала, понадобится ли ей ещё раз видеть этот счёт. Ей всё ещё казалось, что не умеет задавать вопросы о деньгах так, чтобы Эдмунд не принял их за упрёк. Достала книгу расходов, нашла запись от воскресенья и не стала дописывать сегодняшний разговор. Куда он унёс второй лист, она не видела. Вписала лишь заказ нот и недостающий пенни. Потом поставила рядом с собой запасной футляр. Ей давно хотелось отнести Агнес несколько старых учебников, которые дети могут брать домой, а пока в футляре хватало места только для двух. Она вынула лишние обложки. Снизу на одной была тонкая нитка, оставшаяся от починки. Ливия вытянула нитку и намотала на картон, чтобы потом не искать, когда опять что-нибудь оторвётся.

У крыльца ей встретился мальчик из бывшей школы. Попросил пропустить, тащил карту для Хеттона. Ливия придержала угол и спросила, откуда у карты белая полоска. Мальчик ответил, что прежде карта была шире, край обрезали, чтобы влезла в шкаф. Ливия отпустила, поднялась обратно за книгой расходов и отнесла её в свой ящик. В футляр так и положила только ноты. На лестнице она ещё раз слышала, как Эдмунд зовёт из двора. Оказалось, он спрашивал, не нужно ли взять на двоих хлеба. Ливия сказала, что сама купит. Потом вспомнила, что денег на хлеб в кармане уже не хватит на пенни, и всё-таки взяла с собой мелочь из ящика. Оставленный для Кэтлин пенни не тронула.

* * *

Во вторник в половине четвёртого Полли поставила в прихожей корзину с чистыми манжетами. На верхних торчали две булавки, которые она ещё собиралась вынуть. Агнес послала её вниз за запиской от постоялицы, и булавки остались. Мэри уже стояла у двери в шляпе. Она спросила, нельзя ли взять с собой ключ, если отойдёт на несколько минут. Полли показала, где он висит, потом сняла и передала. Мэри успела сделать шаг и вернулась. Повесила ключ обратно. Сказала, что ей нужно всего лишь поговорить с миссис Крессуэлл, потом она поднимется за сумкой.

Ливия пришла с нотами и свёртком белья. Договорилась с Мэри о разговоре после последнего урока. Ученица уже сняла пальто и стала пробовать гамму, пока её не попросили начать сначала. Мэри услышала и отступила в коридор. Там её увидел Эдмунд. Он стоял у двери во двор и держал свёрнутую вдвое газету. Остановился, потом сказал:

— Ты всё-таки написала ей?

Мэри посмотрела, не идёт ли Полли назад. Ответила, что ещё не написала. Ей нужна беседа, а не письмо. Эдмунд предложил пройти в сушильню, там после глажки будет тепло и можно говорить сколько угодно. Мэри сказала, что Ливия ждёт её наверху. Он помял газету, расправил и сказал, что речь пока о них двоих. Если она считает, что им не о чем говорить, может подняться сразу.

Мэри согласилась подождать внизу. Попросила сперва принести её ручную сумку. Эдмунд не знал, где сумка. Она сказала: в комнате, возле окна. Он пошёл вверх. До первого поворота было слышно, как подошвы задевают край каждой ступени. Мэри сняла перчатки и

положила одну в другую. Полли принесла корзину с манжетами, поставила у внутренней двери сушильни и спросила, не дует ли тут. Мэри сказала, что ей пока хорошо. Она стояла у стола внутри, положив перчатки рядом с деревянной катушкой.

Из передней позвала Агнес. Приехала женщина с небольшой сумкой, назвалась Элеонорой Вейл. Она узнала ступеньку, о которую сама когда-то споткнулась с ребёнком, но внутри увидела другую стену. Агнес сказала, что перестроили перегородку, с тех пор стирку отделяют от жилых комнат. Потом спросила, сможет ли Элеонора придержать лестницу: старую книгу давно не снимали, а Полли нужна внизу.

Они поднялись. На площадке Элеонора встретила Эдмунда. Он нёс только газету. Оступился у края и на секунду схватился за перила. Элеонора посторонилась. Не поняла, искал ли он кого-то наверху. Видела, что из музыкальной комнаты ему ничего не сказали и он сам не заглянул. Девочка за дверью наконец сыграла гамму целиком, затем с прежним упрямством начала её с той же ноты.

Через полчаса Агнес и Элеонора уже сидели за книгой. Агнес раньше не рассказывала, что в ту осень жила здесь у матери, потому что никак не могла вспомнить женщину, которая приехала на один вечер. Она хорошо помнила Айрис. Если посмотреть по датам, сказала она, станет ясно, в какой комнате их могли принять. Она наклонилась к книге. Снизу хлопнула дверь. Потом послышался голос Полли. Девушка звала тётку с такой настойчивостью, будто никак не могла поверить, что её не услышали с первого раза.

Агнес вышла на площадку. К этому времени запах уже поднялся до лестницы. Внизу у двери прачечной стоял дым. Полли подалась к нему, потом отступила и сказала, что надо выйти во двор. Агнес повернулась к Элеоноре и велела ей выйти через переднюю, пока там светло. Элеонора пошла, придерживаясь за стену. Только у двери она поняла, что всё ещё держит раскрытую хозяйскую книгу. Положила на стойку, успела прикрыть и больше не стала ждать. На улице двое детей остановились на полпути к калитке, а третий уже бежал к углу, где можно было позвать взрослых.

Глава 3. Со двора

У поленницы Полли увидела Эдмунда. Он стоял вплотную к двери сушильни, лицом к доскам. Из короткого прохода за сушильней тянуло дымом под крышей, но над дверью пока было чисто. Полли крикнула, что у гладильного стола горит. Эдмунд повернул голову. Ей не понравилось, что он глянул мимо неё, туда, откуда можно было войти с улицы. Она услышала два удара в дверь, второй слабее, и сделала шаг.

— Это доски, — сказал он. — Там никого. Беги через переднюю, принеси ключ. У Агнес спроси.

Полли подалась вперёд. Ей хотелось ему сказать, что у этой двери нет ключа. У неё в ту минуту получилось только выговорить имя тётки. Эдмунд поднял руку, будто показывал, куда бежать. Скобу за его плечом она не видела. Во дворе уже кричали, что на улице есть взрослые. Полли пошла за ними, на полпути вспомнила, что видела Мэри в сушильне. Громко позвала Эдмунда. Он то ли не услышал, то ли не повернулся. Она побежала к передней. У двери стояла Агнес с двумя ученицами. Одна уже оделась, вторая держала пальто под мышкой. Элеонора вышла вслед за ними и спросила, все ли вышли.

— Мэри ждала, — сказала Полли. — Мисс Парр. Она ещё была внизу.

Агнес сказала, что её наверняка выпустили со двора. Полли не стала ей отвечать, пробралась мимо и взяла ключ с жестяным кружком. Только у калитки, где дул холодный ветер, она рассмотрела, что держит ключ от передней, в которую только что вошла без ключа. Сунула его в карман и бросилась назад. Двор теперь был полон народу. Кто-то тянул на себя окно прачечной, не мог достать до защёлки. Ливия стояла на нижней ступеньке крыльца. Она прижимала ладонь к горлу. Полли спросила, видела ли она Мэри.

— Позови его, — сказала Ливия.

Полли не поняла, кого. Повернулась к двери сушильни и обнаружила, что Эдмунда там больше нет. Он стоял ближе к калитке. Подал ведро мужчине из соседнего двора, потом указал куда-то через забор, объясняя, где вода. Подойдя, Полли крикнула ему снова, что Мэри была в сушильне. Он посмотрел туда, где над дверью сушильни теперь ложилась тёмная полоса. Сказал:

— Там открыто. Я отодвинул, когда вышел.

Полли хотела сама взглянуть. В эту минуту у калитки появилась пожарная машина. Ей пришлось отойти к стене, потому что двое мужчин побежали к дому, не глядя под ноги. Один наступил на выпавшую из корзины манжету. Девушка наклонилась поднять, увидела, что на белом остался след подошвы, выпрямилась и побежала за ними.

Пожарного, который добрался до сушильни первым, звали Арнольд Рэнделл. Имя Полли узнала потом. Он спросил, что за дверью. Она сказала, что там женщина и что внутри есть ещё одна дверь, но оттуда идёт дым. Рэнделл дёрнул ручку, оттолкнул ладонью Эдмунда, уже снова подошедшего вплотную, и крикнул товарищу, что засов задвинут. Он сдвинул его при товарище, которому приходилось стоять боком и держать людей от двери. Полли только теперь увидела светлую полоску железа. Вспомнила, как накануне стояла здесь с пустыми руками и спрашивала про обрезки кожи. Теперь у неё в кармане был бесполезный ключ.

Когда открыли, оттуда повалил дым, и Рэнделл велел всем отойти. На пороге он споткнулся о что-то невысокое. Сказал товарищу, что нашёл женщину, попросил помочь. Вдвоём вынесли её на двор. Кто-то крикнул, чтобы оставили место, и Полли отступила. На Мэри не было пальто. Рукав платья у плеча порвался, но нигде не горел. Её положили дальше от дома, на место, куда Агнес летом ставила скамью. Ливия подошла с шерстяным покрывалом. Ей велели положить покрывало рядом. Она положила, потом встала в сторону и обеими руками закрыла лицо.

Агнес уже послала человека за врачом. Элеонора помогла отвести детей к забору, где у соседей было сухое крыльцо. Девочка с урока принесла ноты с собой. Села на чужую ступеньку и попыталась застегнуть пальто через ноты. Элеонора предложила подержать. Девочка взглянула на неё с испугом и отдала. На обложке были нарисованы две птицы. Элеонора узнала покупной альбом, в котором когда-то выбирала для Джоан картинки, чтобы та не испачкала клеем свой первый учебник. Теперь ей пришлось смотреть на эту обложку, пока напротив открывали окно и из комнаты над сушильней выносили корзины.

Доктор Фенвик пришёл с сумкой в руке и первым делом спросил, что уже сделали. Ему ответил Рэнделл. Полли встала ближе, чтобы услышать, потом увидела, что Фенвик сел на корточки и нащупывает рукой шею. Она отвернулась к поленнице. Через несколько минут врач попросил, чтобы кто-нибудь пришёл за ширмой или ещё одним покрывалом. Он сказал Агнес, что женщина умерла. Его слышала Ливия. Она сняла своё покрывало с травы и подала ему, хотя он просил уже другое. Фенвик взял именно это. Полли подумала, что теперь Ливия должна подать пустые руки, но та держала их по-прежнему так, словно всё ещё несла вещь.

* * *

Агнес обнаружила в прихожей незнакомого человека. Он попросил выдать ребёнка, назвал имя, которое ей ничего не сказало. Он не знал, на какой урок ходит дочь, сам привёз её впервые и думал, что все дети ждут в передней. Агнес попросила его подождать у двери. Потом взглянула на ступеньки и поняла, что сама собиралась идти искать девочку наверху, хотя ни одна уже там не оставалась. Полли сказала, что дети у соседей. Агнес предложила пойти вместе. Человек снял с крючка первое пальто, посмотрел на рукав, повесил обратно. Он не мог сказать, в каком пальто была дочь, но это оказалось слишком большим.

У соседей девочка сидела на ступеньке рядом с Элеонорой. При виде отца поднялась, оставила ноты на скамье и долго рылась в кармане. Хотела дать ему деньги, которые мать велела отдать Ливии. Отец сказал, что теперь можно оставить. Девочка ответила, что в следующий раз забудет. Элеонора предложила положить деньги в тот же конверт, где ноты. Агнес достала конверт, но девочка уже придумала лучше: отдаст соседке и попросит передать. Она обрадовалась, когда это удалось устроить, и потом почти не спрашивала про огонь. Отец забрал её в своём пальто. О нотах оба вспомнили за калиткой. Элеонора догнала и отдала.

На обратном пути ей встретилась Ливия. Та искала женщину, которая принесла покрывало. Покрывало было её собственное, но ей казалось, что она брала другое, у кого-то из рук. Элеонора сказала, что видела, как Ливия подошла уже с покрывалом, не видела, кто передал. Ливия подумала, потом сказала, что, кажется, взяла с вешалки наверху. Когда вышла, уже не помнила, поднималась ли туда. Они прошли к крыльцу, не заступая дальше места, где велел стоять пожарный. Ливия спросила, нельзя ли теперь самой позвать доктора. Элеонора ответила, что доктор уже здесь. Ливия кивнула, будто ей сообщили не то имя, которое она хотела услышать.

В доме напротив дали чай. Агнес отказалась пить, потому что хотела сперва узнать, куда убрать бельё. Элеонора взяла две чашки и села возле неё. Не стала отнимать список, который Агнес вытащила из кармана и всё старалась расправить. Список был о заказах на завтра. Напротив трёх фамилий стояли размеры, напротив четвёртой — только слово «белое». Агнес посмотрела на него и сказала, что писала утром торопясь. Теперь нельзя понять, что кому вернуть. Элеонора предложила сложить это в конверт и утром спросить у самих людей. Агнес ответила, что белое наверняка узнает. Сложила список и только после этого приняла чашку.

Из сада донеслось, как кто-то зовёт по имени. Обе посмотрели на дверь. Звали пожарного, понадобился ещё один человек к лестнице. Элеонора снова поднесла чашку к Агнес. Та сделала глоток и сказала, что в её доме вчера было ещё столько воды, что можно было выстирать два десятка простыней. Не понимала, зачем теперь говорит об этом, когда уже всё залито. Элеонора ответила, что обе завтра смогут посмотреть, какие простыни высохнут. Агнес нако-

нец поставила чашку сама. От чашки на листе остался маленький мокрый след. Убирать лист она не стала.

* * *

Когда приехал Рид, огонь уже остановили у перехода, оставив окна открытыми. Во дворе растекалась вода. Она собиралась в яме перед дверью, и Рид промочил ногу, прежде чем заметил, куда ступил. Прайс предупредил о второй яме, слишком поздно. С другой стороны дома сухого пути было не больше. Рид велел ему пока оставить людей у входов и записать, кто был при открывании двери. Никакой засов с места не снимали, пока пожарные не закончили проверять, безопасно ли войти.

Рэнделл вывел сержанта туда, откуда подошёл впервые. Вода уже смыла на земле всё, что могло выглядеть следом обуви. В наружной скобе у двери оставалась царапина, откуда её недавно поправили. Железо могло быть чистым от работы, от руки или от движения самого засова. Рид попросил не трогать его дальше. Хотел увидеть положение, в котором вещь оставили, и услышать, в каком она была при подходе. Это были разные положения. Рэнделл ещё раз показал на расстоянии, куда он передвинул засов, и назвал товарища, видевшего движение с другой стороны.

— Вы точно встретили засов, а не прижали дверь, когда взялись за ручку? — спросил Рид.

Рэнделл сказал, что сначала взялся за ручку, затем освободил засов. Когда тот перестал держать, дверь открылась наружу. Дверь намокла и потом стала цепляться за низ, но при первом открывании низ не задержал. Товарищ подтвердил, что видел движение железа и что Рэнделл крикнул именно про засов. Сам ручку не трогал. Рид записал обоих отдельно. Рядом стоял Эдмунд Крессуэлл. Он сказал, что дверь некоторое время уже была открыта. Рэнделл ничего ему не ответил. Повернулся к Риду и попросил убрать от стены пустое ведро, потому что сейчас туда снова понесут рукав.

Рид отправил Прайса за Уитмором. Потом спросил у Агнес фамилию женщины. Агнес принесла нынешнюю книгу постояльцев. На строчке Мэри Парр рядом с датой стояло время, которое хозяйка вписала позже, когда разносила воду. Больше она о ней ничего не знала, кроме просьбы не убирать комнату. Рид спросил, останется ли здесь человек, который видел, как она пришла. Агнес ответила, что видела сама. Ей хотелось отнести книгу обратно на стойку. Там стояла другая, старая, принесённая с верхней полки. Обе выглядели одинаково мокрыми с одного угла, потому что при открытой передней двери вода попала на стойку.

— Старую тоже надо взять? — спросила она.

Рид узнал Вейл на крыльце. Она ответила, что пока старую книгу можно оставить отдельно, запереть в сухом месте, не переносить в прачечную. Ей самой завтра всё равно придётся говорить с Уитмором. Сегодня она может сказать, когда поднялась с Агнес и кого видела на лестнице. Рид выслушал, записал и попросил при ней отметить место хранения книги. Выяснилось, что из всех шкафов, где было сухо, Агнес доверяет только тому, куда обычно кладёт сахар. Рид попросил поставить книгу на верхнюю полку, над сахаром. Когда Агнес убрала её, Элеонора сказала, что пока останется с хозяйкой, если та согласна. Агнес молча отдала ей второй ключ. По виду ключа нельзя было догадаться, от какой он двери, и Элеонора спросила. Агнес наконец ответила: от шкафа.

Глава 4. Что слышала Ливия

Наутро лестница в доме у двух буков пахла мокрой шерстью. Полли провела по перилам чистой тряпкой и обнаружила, что тряпка тоже начинает так пахнуть. В музыкальную комнату входить разрешили. Там стоял табурет с книгой у ножки, которую девочка вчера забыла убрать. Ливия подняла книгу, положила на подоконник. Под книгой нашлась нотная тетрадь другого ученика. В ней нужно было подписать пальцы над первой строкой. Она достала карандаш и поставила две цифры, прежде чем услышала шаги в коридоре.

Рид спросил, можно ли войти. Снял шляпу, остался у двери. Внизу Агнес говорила с человеком, который обещал посмотреть крышу. Человек просил объяснить, почему у неё на дворе три ведра и ни одно нельзя взять. Вчера в одном была вода для врача, в другом держали ключи, в третьем неизвестно чья куртка. Ливия подождала, пока голоса станут тише.

— Вы пришли узнать, где был мой муж? — спросила она.

— Сначала хотел узнать, где были вы.

Она показала на табурет. Урок кончился раньше, потому что мать ученицы велела не ходить домой в темноте одной. В другой день Ливия посадила бы девочку в коридоре ждать, а во вторник девочку забрала старшая подруга, и та попросила позволения доиграть. В коридоре они столкнулись с Полли. Девочки пошли к передней, Ливия спустилась за бельём, которое оставила в свёртке. Из прачечной услышала, как упало что-то лёгкое, потом увидела дым и свернула во двор. Свёрток не взяла. Рид спросил, почему она пошла именно туда. Ливия ответила, что хочет знать, видела ли Полли мисс Парр: они договорились встретиться после урока, а наверху у двери никого не было.

— Вы увидели мисс Парр?

— Услышала. Сначала подумала, что Полли уже с ней. Голос из-за двери. Она просила открыть.

Рид ждал. Ливия сказала, что Эдмунд ответил. Это был голос Эдмунда, ниже обычного, словно он боялся, что услышат из дома. Слова «Мэри» и «подожди» она помнит. Остальные не разобрала. Женщина за дверью ответила: «Тут дым». Или «идёт дым». Ливия замерла у ступеньки, потому что не могла понять, почему Эдмунд назвал постоялицу Мэри, будто видел её не в первый раз. Ей понадобилось время, чтобы крикнуть ему. Когда она крикнула, он не подошёл. Повернул голову, спросил, где Полли. Потом кто-то позвал с улицы, и Ливия отошла к крыльцу. У неё не было уверенности, что Эдмунд всё это время держал дверь. Она видела плечо и сторону лица. Стена закрывала ей вид на руку и засов.

— Вы видели дым у сушильни в этот момент?

— У крыши с другой стороны. Сверху уже было тёмное. Над этой дверью появилось позже.

— По звуку она была внутри, у двери?

— Да. Отсюда можно посмотреть.

Ливия провела его до ступеньки. Рид поставил Прайса в то место, где, по её словам, стоял Эдмунд. Ливия попросила констебля подвинуться ближе к доскам. Из-за угла был виден край его рукава, но заслонка оставалась за ним. Рид отвёл Прайса и попросил Ливию показать, где она стояла в тот момент, когда её позвали. Она передвинулась всего на полшага. Прежнее место теперь казалось ей неправильным, потому что по нему текла вода. Во вторник вода появилась после.

Рид предложил вернуться наверх. Ливия не захотела. Они остались возле сухой бочки, и она сказала, что после приезда полиции Эдмунд объяснил ей, откуда знал мисс Парр. Та якобы работала в конторе с его сестрой. Сестра действительно когда-то работала в конторе, теперь живёт у моря. Ливия познакомилась с Эдмундом после этого и не знает, кто приходил

к сестре. Но Эдмунд назвал Мэри по имени тогда, когда у двери следовало бы назвать любое слово погромче. Ливия попросила записать его слова о конторе отдельно: о сестре он говорил дома, уже поздно, когда они ушли от Агнес.

— Он знает, что вы это слышали? — спросил Рид.

— Я пыталась спросить, почему он велел ей ждать. Он ответил, что вообще с ней не говорил у двери. Потом сказал, что мог позвать её, когда вышел, но ответа не было. Я не знаю, какую часть он считает разговором.

Ливия подняла руку, собираясь поправить волосы, и оставила. С нижней площадки её можно было видеть из кухни. Она вдруг спросила, можно ли после разговора уйти к своей ученице: у той мать велела не трогать рояль, пока не придёт Ливия, и ей хотелось самой сказать, что сегодня урока не будет. Рид ответил, что ещё понадобится прочесть показание, но это можно сделать, когда она вернётся. Ливия сказала, что вернётся в дом Агнес. Домой после ученицы она пока не пойдёт.

* * *

Фенвик приехал к Уитмору после полудня. Принёс лист с наблюдениями и обыкновенный носовой платок. Он надорвался на краю, и доктор, когда хотел вытереть очки, сперва поправил нитку. На листе у него было написано, что наружных повреждений немного. Порванный рукав, ушиб у плеча и царапина на пальце могли относиться к падению или переносу. Сама одежда существенно не обгорела. В дыхательных путях ниже гортани была сажа. Это согласовывалось с тем, что женщина дышала в задымлённом помещении. Обстановку и результаты осмотра он считал достаточными, чтобы связать гибель с дымом, не с первым взглядом на лицо или с предполагаемой болезнью.

— Можете сказать, сколько она была жива после того, как началось горение?

— Если бы я знал, сколько дыма шло в комнату в каждую минуту, всё равно не взялся бы. Живую речь слышал кто-нибудь?

— Есть человек, который говорит, что слышал.

— Тогда вам нужно знать от этого человека, когда и где. У меня на листе этого нет.

Уитмор согласился. Оставил Фенвику место для подписи и попросил отдельно записать, кто уже переносил тело и что видел врач сам во дворе. Фенвик назвал покрывало и спросил, выстирают ли его теперь. Уитмор сказал, что покрывало пока оставили у полиции. Фенвик хотел сказать, что оно было чистым, а затем вспомнил, что принял его уже после того, как Ливия положила на землю. Он так и записал. При осмотре не следовало приписывать покрывалу состояние, в котором оно было у хозяйки.

В комнату заглянул Прайс. Сказал, что в доме найден конверт на имя Мэри Парр, с обратным адресом конторы поверенного из Уинчкома. Конверт лежал в ручной сумке у окна, куда она и послала Эдмунда. Открывать его в отсутствие согласованного порядка Агнес не позволила. Прайс записал местонахождение и оставил сторожить комнату другого человека. Инспектор попросил сначала связаться с поверенным и не давать никому из знакомых забрать сумку. Возможно, на конверте адрес человека, которого нужно известить. Возможно, только обычное письмо по работе. Фенвик поднялся. Ему хотелось сказать, что в дыму люди часто зовут именно того, кто ближе всего. Но ему не довелось слышать, кого звала эта женщина. Он взял лист и подписал свою часть.

* * *

Рэнделл пришёл в бывшую школу за лестницей. Накануне кто-то одолжил её пожарным, а теперь Хеттон спрашивал, у кого искать. Лестницу нашли под низкой стеной. Нижняя ступенька была мокрой, мальчик Хеттона успел положить на неё газету. Рэнделл снял газету и подержал за угол, пока вода не перестала течь. На бумаге уже напечатали, что причиной пожара мог быть оставленный без присмотра утюг. Кто-то обвёл строку карандашом. Рэнделл посмот-

рел на мальчика. Тот сказал, что дед читал, а карандаш брал сам мальчик, потому что в газете была задача. Газету он принёс совсем не про пожар.

Прайс вышел из двора Агнес и спросил, можно ли идти внутрь. Рэнделл ответил, что пока только туда, куда они уже проходили. От лестницы до короткого крыла потолок виден, а дальше вчера отвалилась половина штукатурки. Он не знает, что держит вторую. Вдвоём отнесли лестницу к школе, поставили под навес. Хеттон хотел сразу убрать, Рэнделл попросил дать просохнуть: если закрыть мокрую, на ступенях не заметят грязи. Хеттон ответил, что у них грязь на лестнице видят все, а вытирает он. Тем не менее принёс тряпку и вытер.

У пожарной машины на следующий день вымыли рукав. Рэнделл рассказал Прайсу, где его тянули, куда направили воду и что могло от этого сдвинуться. Это была обычная часть записи, только на этот раз Прайс просил отдельно отметить, когда в сушильне впервые открыли окно. Рэнделл поправил его: верхнюю раму не открывали, она была неподвижной. Повалил дым из двери, другой человек принялся за окно со стороны прачечной. Разбилось ли стекло там сразу, Рэнделл не видел. Когда снова заглянул, осколки уже лежали внутри и снаружи. Прайс переставил два слова в блокноте. Ему хотелось, чтобы в конце оказалось ясно, кто разбил. Рэнделл ответил, что в конце окажется ясно, чего он сам не видел.

Потом Прайс спросил, мог ли кто-нибудь сбить засов, когда тянули рукав. Рэнделл отвёл его на сухое место и показал, куда тогда вышел первым. Рукав был ещё дальше, люди только поворачивали за угол. Железо он отводил рукой до того, как они вынесли женщину. Когда внутрь пошла вода, створка уже стояла открытая. Два события можно было перепутать, если смотреть на них с улицы, но сам он сначала держался за ручку, потом за железо. Прайс спросил, записано ли это вчера. Рэнделл сказал, что записано. Он не хотел придумывать другой порядок только потому, что у них сегодня есть время повторить.

Мальчик Хеттона вернулся за газетой. Рэнделл отдал, попросил найти задачу. Она была на последней странице, от воды уцелела половина рисунка. Мальчик сказал, что может догадаться по вопросам. Рэнделл предложил взять новый номер у почты. Мальчик ответил, что новый надо будет покупать, а эту можно высушить. На вопрос о пожаре он сам сказал, что слышал, как позвали с улицы, но не знает, кого. Прайс записал имя и не стал обещать деду, что больше не понадобится спросить. Когда мальчик убежал, Рэнделл посмотрел на мокрое место под лестницей и сказал, что про утюг сейчас все хотят ответить, а про дверь, которую он отодвинул, почти никто не спрашивает. Прайс закрыл блокнот. Обещать, что скоро будут спрашивать иначе, он не мог. Сказал лишь, что в его записи дверь стоит раньше утюга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.